

Прихожая в России имеет совершенно особый вид. Висящие в огороженном перилами месте шубы с их обвислыми рукавами и прямыми складками на спинах смутно напоминают человеческие тела, галоши под ними походят на ноги, и в свете лампочек под потолком эти меховые изделия выглядят достаточно фантастично. Аким д'Арним глазами, полными мечты, отыскал бы здесь одежду господина Медвежья Шкура, Гофман населил бы эти таинственные складки призраками придворных архивариусов и советников. Я, как истинный француз, не иду дальше сказок Перро и вижу здесь семь жен Синей Бороды в его страшной комнате. Развешанные у печки шубы набираются тепла и сохраняют его потом на улице в течение двух-трех часов. Слуги обладают чудесной способностью помнить, кому принадлежит какая шуба. Даже когда многочисленность гостей превращает прихожую в магазин Мишеля или Циммермана *, они никогда не ошибаются и накидывают на плечи каждого его собственную шубу.

В комфортабельной русской квартире пользуются всеми достижениями английской и французской цивилизации. На первый взгляд можно подумать, что вы в самом деле находитесь в Вест-Энде ** или в предместье Сент-Оноре ***. Но очень скоро местный уклад жизни выдаст себя множеством любопытных деталей. Прежде всего иконы в позолоченных серебряных окладах с прорезями на месте лиц и рук, отражая свет постоянно горящих перед ними лампад, предупреждают вас о том, что вы не в Париже и не в Лондоне, а в православной России, на святой Руси.

Арним Людвиг Иоахим (1781—1831) — немецкий писатель. Автор фантастических сказок. В одной из них есть история о человеке по прозванию Медвежья Шкура.

Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776—1822) — немецкий писатель, композитор, музыкальный критик, дирижер и художник-декоратор.

Перро Шарль (1628—1703) — французский писатель и критик. Перро ввел сказку в систему литературных жанров. Его «Сказки» способствовали демократизации литературы и оказали влияние на развитие мировой традиции искусства сказок.

* Магазины конфекционных товаров, т. е. готового платья, обуви в Париже; магазин Циммермана был и в Петербурге на Владимирском проспекте.

** Предместье Лондона.

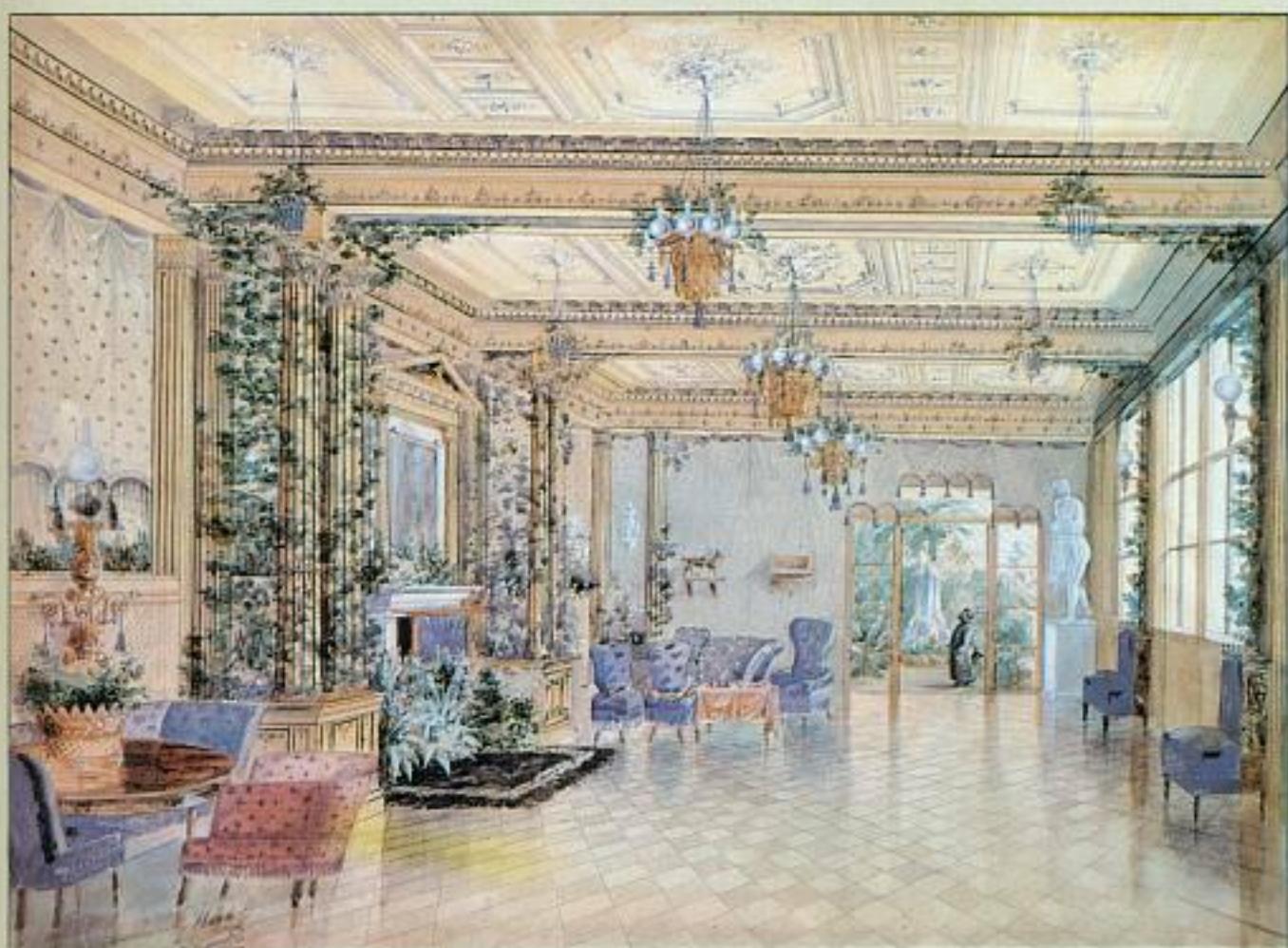
*** Предместье Парижа.

У здешнего климата есть свои требования, и их не обойдешь. Повсюду двойные рамы, а пространство, оставленное между стеклами, покрыто внизу слоем тонкого песка, который впитывает влагу и мешает льду покрывать стекла своей серебряной амальгамой. Там поставлены еще рожки с солью, а иногда песок, словно пеной, покрыт слоем ваты. По причине двойных рам окна в России не имеют ни ставней, ни жалюзи: невозможно было бы ни открыть, ни закрыть их, так как рамы закрываются на всю зиму и тщательно заделываются. Для проветривания служат маленькие форточки, и это неприятная и даже опасная операция из-за слишком большой разницы между температурой в доме и на улице. Тяжелые занавески из богатых тканей преграждают движение холодного воздуха от стекол, гораздо более теплопроводных, нежели мы привыкли думать.

Комнаты больше и шире, чем в Париже. Наши архитекторы, столь искусные в деле создания сот для человеческого улья, выкроили бы целую квартиру, а часто и в два этажа, из одной санкт-петербургской гостиной. Так как все комнаты герметически закрыты и дверь выходит на отапливаемую лестницу, в них неизменно царит температура минимум 15—16 градусов тепла, что позволяет женщинам одеваться в муслин и оголять руки и плечи. Медные глотки голландских печей постоянно, и ночью и днем, пышут жаром. Их широкие, монументальные поверхности покрыты красивыми белыми или цветными изразцами, они поднимаются до потолка и рассеивают тепло повсюду, куда печные зевы не выходят. Камины редки, и если они есть, то зажигают их только весной и осенью. Зимой камини охладили бы квартиру. На зиму их закрывают и ставят в них цветы. Цветы — вот поистине русская роскошь! Дома полны ими. Цветы встречают вас у двери и поднимаются с вами по лестнице. Исландский плющ выстется по перилам, жардиньерки стоят на лестничных площадках напротив банкеток. В амбразуре окон виднеются банановые пальмы с широкими шелковистыми листьями, магнолии и древовидные камелии своими цветами касаются позолоченных завитков карнизов, орхидеи бабочками летают вокруг лепных плафонов, у хрустальных, фарфоровых или из обожженной глины люстр изящной и очень любопытной отделки. Из японских или богемского стекла вазонов посреди столов или по углам буфетов растут экзотические цветы. Они живут здесь как в теплице, да и действительно все эти русские квартиры — это теплицы. На улице вы чувствуете себя как на Северном полюсе, а в домах вы как будто в тропиках.

Наверное, при помощи такого изобилия зелени глаз стремится отдохнуть, утешить себя от неизменной зимней белизны. Желание увидеть что-нибудь не белого цвета должно быть вроде некоей болезненной ностальгии в этой стране, где снег покрывает землю более чем на половину года. Нет даже удовольствия видеть зеленые крыши, так как и они только весной меняют свои белые рубахи. Если бы не старались здесь квартиры превратить в сады, зимой можно было бы подумать, что зеленый цвет навсегда исчез из природы.

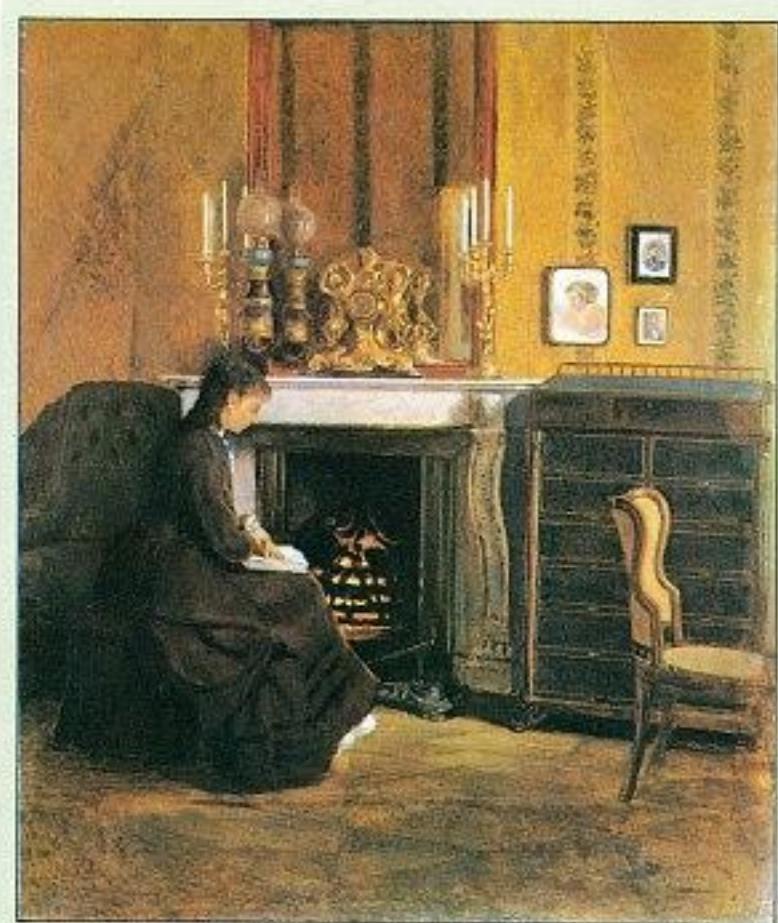
Что касается мебели, она похожа на нашу, но большего размера, более обильна в соответствии с более просторными комнатами. Типично русской мебелью является ширма, или перегородка, из дорогого дерева с тончайшей сквозной резьбой, как на веерах. Она занимает угол гостиной, и по ней вьются растения. Получается нечто вроде

Гж И. А. Салон в доме барона Штиглица на Каменном острове в Петербурге. 1850-е гг. Акварель. МИРГЛ

исповедальни, места, удобного для интимного, отдельного разговора. За ширмой расставлены диваны, там хозяйка дома, уединяясь от толпы гостей и оставаясь все же с ними, может побеседовать с двумя-тремя особо дорогими из них. Иногда такие кабинеты за ширмой увешаны цветными зеркалами, украшенными гравюрами, вделанными в панно из позолоченной меди. Часто за пушками, тет-а-тетами*, глубокими креслами вы видите чучело гигантского белого медведя, из которого сделана целая софа, предлагающая

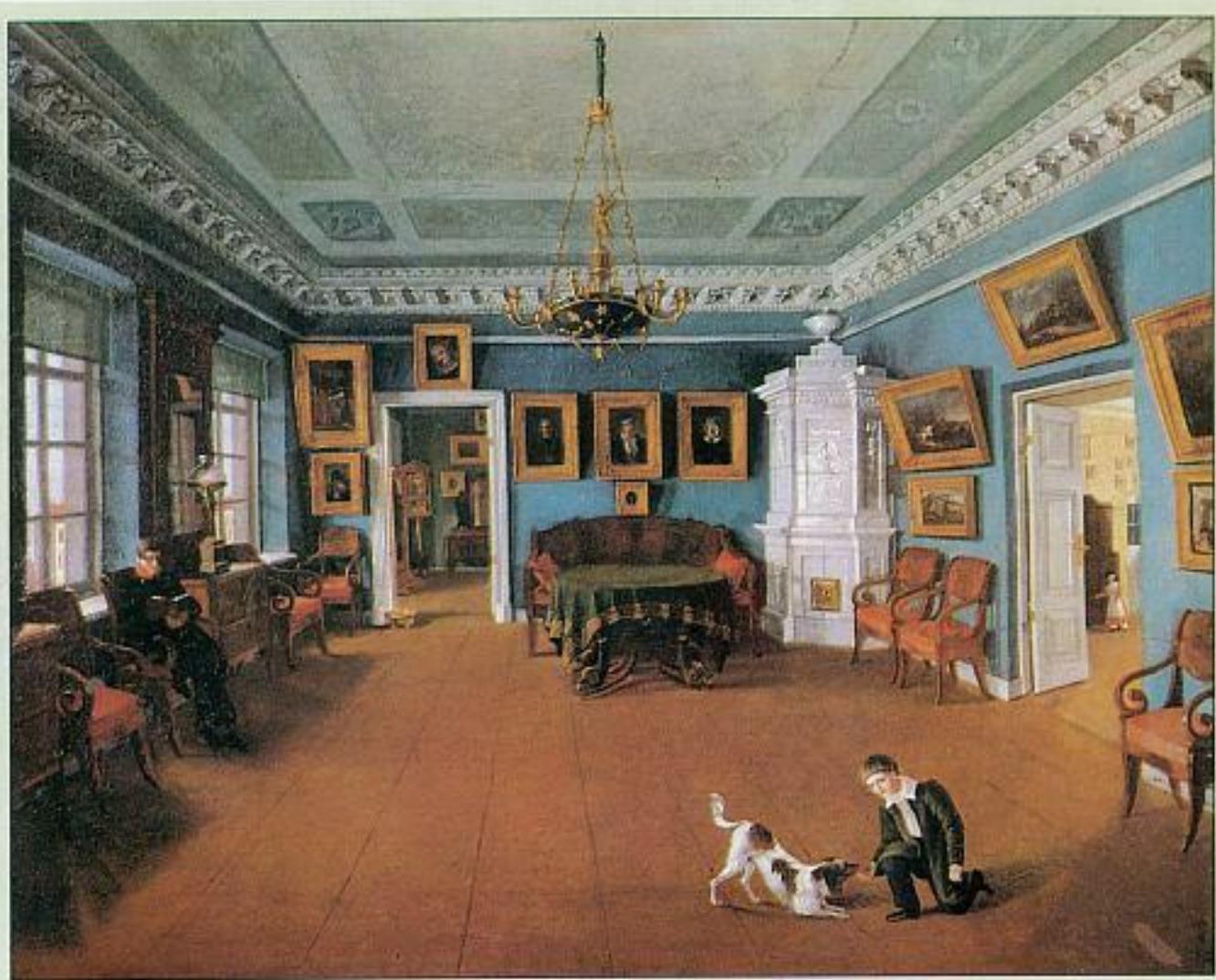
* Изящный гостинный диван на двоих.

Крамской И. Н. (1837—1887). В комнате. 1862. Холст, масло. ГРМ.

гостю сиденье самого что ни на есть полярного свойства. А то и черные медвежата служат табуретками. Рядом со всевозможными изяществами современной жизни такие вещи напоминают о льдах Северного моря, огромных степях в снегу и дремучих сосновых лесах, то есть о настоящей России, о которой забываешь в гостиных Санкт-Петербурга.

Спальня обычно не обладает теми роскошью и изысканностью, какие полагаются ей во Франции. За ширмой или за одной из решетчатых перегородок, о которых я говорил, прячется низкая кровать, похожая на походную или на диван. Русские —

Самойлова Л. В., сестра актера. Гостиная в доме Самойловых. 1840-е гг. Холст, масло. АГМТМИ

восточные люди, и даже в высших слоях общества не стремятся к утонченности спального места. Они спят там, где находятся, повсюду, как турки, часто в шубах, на широких диванах, обтянутых зеленой кожей, которые встречаются в каждом углу. Мысль сделать из спальной комнаты нечто вроде святыни не приходит им в голову. Древняя привычка к кочевью как будто не покидает их даже в самой элитарной сфере современной цивилизованной жизни, все изящество и соблазн которой они, однако, прекрасно знают.

Бобров А. А. (1849—1899). В комнатах. 1869. Холст, масло. ГРМ

Дорогие обои покрывают стены, и, если хозяин дома заберет себе в голову коллекционировать картины, нет сомнений, что на фоне красной индийской камки или имитации парчи с темными орланами у него будут развешаны в богатых рамках картины Ораса Верне, Гюдена, Калама, Куккука, иногда Лейса, Маду, Тенката или, если он хочет проявить патриотизм, это будут картины Брюллова и Айвазовского—самых модных русских художников. Наша современная школа сюда еще не проникла. Тем не менее я видел две-три картины Месонье и примерно столько же картин Труайона. Манера наших художников кажется русским недостаточно законченной.

Интерьер, только что описанный мною, вовсе не дворец. Это дом не буржуазный — это слово ничего не значит в России,— но, что называется, «приличный»: Санкт-Петербург начинен особняками и огромными домами, с некоторыми из которых я познакомлю моих читателей.

Теперь, осмотрев внутреннее устройство здешних домов, перейдем к обеду. Перед тем как сесть за стол, гости подходят к круглому столику, где расставлены икра, филе селедки пряного посола, анчоусы, сыр, оливки, кружочки колбасы, гамбургская копченая говядина и другие закуски, которые едят на кусочках хлеба, чтобы разгорелся аппетит. «Ланчен» совершается стоя и сопровождается вермутом, мадерой, дэнцигской водкой, коньяком и тминной настойкой вроде анисовой водки, напоминающей «раки» Константинополя и греческих островов. Неосторожные или стеснительные путешественники не умеют противиться вежливым настояниям хозяев и принимаются пробовать все, что стоит на столе, забывая, что это лишь пролог пьесы, и в результате сытыми садятся за настоящий обед.

Во всех таких домах едят на французский манер, однако национальный вкус обнаруживается в некоторых характерных дополнениях. Так, вместе с белым хлебом подают ломтик черного ржаного хлеба, который русские гости едят с видимым удовольствием. Они также находят очень вкусными соленые огурцы, которые сначала мне не показались приятными на вкус. Посреди обеда, после того как выпиты соки бордосских урожаев и шампанское «Вдова Клико», которое можно отведать только в России*, пьют

Верне Орас (1789—1863) — французский живописец, рисовальщик, гравер. Был директором Французской академии в Риме (1842—1855). Работал в Париже, Риме и России (1836, 1842—1843). Баталист, живописец исторического жанра, портретист.

Гюден Теодор (1802—1880) — французский живописец, литограф и гравер. Работал в Петербурге.

Калам Александр (1810—1864) — швейцарский живописец и гравер, автор многочисленных альпийских пейзажей.

Куксук Бернар-Корнелиус — голландский живописец (1803—1862). В основном пейзажист, выставлялся в 1840 и 1845 гг. в Париже. Член петербургской и роттердамской Академий художеств.

Лейс Хендрик Жан Оттост (1815—1869) — белгийский живописец и гравер. Жил в Париже (1835—1839), где познакомился с французскими романтиками и сблизился с Эженом Делакруа. Писал исторические и бытовые картины, делал стенные росписи, подражая старым фламандским и немецким мастерам.

Маду Жан Батист (1796—1877) — белгийский живописец, литограф, иллюстратор.

Месонье Эрнест (1815—1891) — французский живописец. Автор жанровых и батальных сцен.

Труайон Констан (1810—1865) — французский живописец. Учился живописи по фарфору. Пейзажист и минималист.

* Гоголь имеет в виду то, что шампанское «Вдова Клико» было тогда дорогим, что отведать его можно было, только если кто-то угощал, а в богатых домах России угощали широко.

портер, эль и особенно квас — напиток вроде нашего пива, который делается из пробреженных корок черного хлеба. К его вкусу нужно привыкнуть, и иностранцам он не покажется достойным великолепных бодемских бокалов или серебряных чеканных чарок, в которых обычно пенится этот коричневый напиток. Между тем после нескольких месяцев пребывания в России в конце концов привыкаешь к огурцам, квасу и щам — национальной русской кухне, которая начинает вам нравиться.

Щи — это мясное блюдо, приготовленное в горшке на огне. В него входят: баранья грудинка, укроп, лук, морковь, капуста, ячневая крупа и чернослив! Это довольно странное сочетание ингредиентов вместе создает своеобразный вкус, к которому быстро привыкаешь, особенно если тяга к путешествиям сделала из вас космополита в отношении кухни и подготовила ваши органы вкуса к любым самым неожиданным ощущениям. Другой довольно распространенный суп — это суп с клецками: в бульон, когда он кипит, бросают, капля за каплей, тесто, растиртое с яйцом и пряностями. Кусочки теста, скваченные кинятком, так и варятся круглыми или овальными, примерно как яйца в мешочек в нашем парижском бульоне. Со щами подают булочки.

Все, кто прочитал «Монте-Кристо», помнят об обеде, когда за столом у бывшего узника замка Иф, как бы творящего чудеса при помощи золотой волшебной палочки, подают волжскую стерлядь. Вне России, даже на самых изысканных столах, это неизвестный гастрономический феномен. И надо сказать, стерлядь защищает своей репутации: это отменная рыба с белым и нежным, может быть, немного жирным мясом, по вкусу напоминающая нечто среднее между корюшкой и миногой. Стерлядь может быть большого размера, но рыбы среднего размера — самые лучшие. Отнюдь не презирая кухни, я все-таки не Гримо де ла Рейньер и не Бриай-Саварен, чтобы в лирических тонах говорить о стерляди. Но во Франции я жалею об этой утрате, ибо блюдо из стерляди достойно самых тонких гурманов. Один кусочек волжской стерляди на изящной вилочке стоит путешествия.

Часто на русских столах появляются рябчики, их мясо пропитано запахом можжевеловых ягод, которыми эти птицы питаются. Они распространяют скипидарный дух, поначалу ударяющий вам в нос. Подают здесь и огромных тетеревов. Знаменитая медвежья ветчина иногда заменяет здесь йоркскую ветчину, а лосиное филе — вульгарный ростбиф. Это все блюда, не существующие в западных меню.

Рейньер Александр Балтазар Гримо де ла (1758—1838) — французский литератор и гастроном. Опубликовал несколько очень остроумных брошюр, но более всего известен своими гастрономическими сочинениями. Выпускал «Альманах лакомок» с 1803 по 1812 г.

Бриай-Саварен Антуэльм (1755—1826) — французский гастроном. Автор «Физиологии вкуса» (1826).

Каждый народ, даже когда его захватывает единообразие цивилизованного мира, сохраняет свой особый вкус, и несколько блюд, пахнущих его родной почвой, преобладают в его рационе, несмотря на то что иностранцы с трудом понимают, что у них приятный вкус. Так, холодный суп, где в ароматизированном бульоне с уксусом и сахаром плавают одновременно кусочки рыбы и льда, удивит самое экзотическое небо, как и, например, «la racho»* андалузцев. Впрочем, этот суп подается только летом, говорят, что он освежает, и русские его очень любят.

Так как большая часть овощей поступает из теплиц, их зрелость не имеет определенного, связанного с сезоном периода, и первые овощи не обязательно бывают только весной: зеленый горошек едят в Санкт-Петербурге свежим во все месяцы года. Спаржа не знает зимы. Она большая, нежная, водянистая и совсем белая, на ней никогда нет зеленого пятна, которое всегда бывает у нас, и ее можно есть с любого конца. В Англии едят котлеты из сёмги, в России — куриные котлеты. Это блюдо стало модным с тех пор, как император Николай попробовал его на постоялом дворе близ Торжка и нашел вкусным. Рецепт куриных котлет был дан хозяйке постоялого двора одним несчастным французом, который не мог иначе заплатить за приют и таким образом помог этой женщине составить целое состояние. Куриные котлеты действительно вкуснейшее блюдо! Назову еще пожарские котлеты, которые с честью могут значиться в меню любых ресторанов.

Я рассказал только об особых различиях в нашей и русской еде. Но в здешних домах великих мира сего кухня — французская и повара — французы. Франция поставляет миру поваров!

Большой редкостью в Санкт-Петербурге считаются свежие устрицы. Их привозят издалека; летом они портятся от жары, зимой замерзают, поэтому иногда за них платят по рублю за штуку. К тому же устрицы, купленные по такой дорогой цене, редко бывают хорошими. Я слышал, что один ловкий мужик каким-то образом очень разбогател и благодаря бочонку со свежими устрицами, доставленному его хозяину в момент, когда их невозможно было нигде съскать, получил свободу, за которую он безрезультатно предлагал огромные суммы денег — говорят, сто и пятьсот тысяч рублей. Я не гарантирую правдивости этой басенки, но она по крайней мере доказывает, даже если это и выдумка, что в некоторые периоды года устрицы — редкость в Санкт-Петербурге.

К десерту всегда подают корзину фруктов: апельсины, ананасы, виноград, груши, яблоки выстраиваются на столах красивыми пирамидами. Виноград обычно прибывает из Португалии, а иногда он наливается соком до цвета светлого янтаря в лучах калориферов на занесенной снегом земле хозяина дома. В январе я ел в Санкт-Петербурге землянику, которая краснела среди зеленых листьев в горшке с землей. Северные народы до страсти любят фрукты. Они за большие деньги покупают их за границей или наперекор

* Суп с оливками (исп.).

бунтующей природе северного климата выращивают их, умеют придать им роскошный вид, но вкус и запах у тепличных фруктов в значительной мере теряются; как бы хорошо ни была натоплена печь, она не заменит солнца.

Надеюсь, мне простят эти гастрономические подробности, ведь любопытно знать, как народ ест. «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты» — поговорка изменена, но не стала от этого менее правдивой. Подражая французской кухне, русские остаются верны некоторым национальным блюдам, и положа руку на сердце именно они-то и нравятся им более всего. То же самое происходит и с их характерами. Сообразуясь с последними изощрениями западной цивилизации, они продолжают хранить в себе некоторые первородные инстинкты, и немного нужно даже самому элегантному завсегда-таю светских развлечений, чтобы он взял и уехал к себе в имение, находящееся где-нибудь в деревенской глупи, в степи.

Когда вы сидите за столом, одетый в черное слуга при галстуке и в белых перчатках, безукоризненный в своей одежде, как английский дипломат, невозмутимо и с серьезным видом стоит за вами, готовый исполнить малейшее ваше желание. Вы уже подумали, что здесь как в Париже, но, если при этом вы случайно внимательно посмотрите на этого слугу, вы заметите, что он золотисто-желтого цвета, у него узкие темные глазки, приподнятые к вискам, выступающие скулы, приплюснутый нос и толстые губы. Прославив за вашим взглядом, хозяин произносит небрежно как нечто самое обыкновенное: «Это татарин, а то и монгол с границ Китая».

Этот татарин, магометанин или, может быть, идолопоклонник выполняет свои обязанности автоматически четко, и самый придирчивый дворецкий ни в чем его не упрекнет. Он одет как настоящий слуга, а мне бы больше понравилось, если бы он был одет в костюм своего племени: в рубашку, затянутую на талии металлическим поясом, и в шапку из бараньей шкуры. Это было бы живописнее, но менее по-европейски, а русские не хотят походить на азиатов.

Весь сервис стола: фарфор, хрусталь, серебро, большие вазы — все вполне великолепно, но не имеет своего особого характера, за исключением все же очаровательных десертных, чайных и кофейных ложечек из платины, черненной золотом.

Миски с фруктами, широкие вазы перемежаются с корзинами цветов, и часто букетики фиалок окружают вазы с нугой, конфетами и печеньем. Хозяйка дома грациозно раздает эти букетики гостям.

Разговор постоянно поддерживается на французском языке, особенно если в доме есть гость-иностранец. В определенной среде все очень легко говорят на нашем языке, вставляя в свою речь словечки современного разговорного языка, модные выражения, как если бы они его изучали на Итальянском бульваре. Здесь поняли бы даже французский Дювера и Лозанна, такой специфический, такой глубоко парижский, что многие наши провинциалы понимают его с трудом.

У русских нет акцента, только легкая, не лишенная прелести мелодичность, которой в конце концов сам начинаешь подражать. Здесь употребляются некоторые выражения, безусловно происходящие от соответствующих привычных национальных выражений и слов. Они свойственны людям, даже очень хорошо говорящим на языке, не являющимся их родным. Например, странным образом употребляется слово «absolument». Вы говорите: «Est-ce qu'un tel est mort?» Вам отвечают: «Absolument» — в смысле французского «oui» или итальянского «si». Слова «donc» или «déjà» часто слышатся в разговоре и ставятся некстати, да еще со значением вопроса: «Avez-vous donc déjà vu Saint-Pétersbourg ou M-me Bosio?» *

Манеры русских вежливые, спокойные, совершенно городские. Я удивился, что здесь были в курсе всех мельчайших подробностей нашей литературной жизни. Русские много читают, и какого-нибудь малоизвестного во Франции автора здешние читатели прекрасно знают.

Женщины очень развиты. С легкостью, вообще характерной для славян, они читают и говорят на разных языках. Многие читали в подлиннике Байрона, Гёте, Гейне, и, если их знакомят с писателем, они умеют удачно выбранной цитатой показать, что читали его произведения и помнят об этом **.

Дювер Феликс Огюст (1795—1876) — известный и модный в свое время французский автор водевилей.

Лозанн Огюстен Теодор де Во-Руссель (1805—1877) — его соавтор и зять.

* Французское слово «absolument» в понимании русских соответствовало чисто русскому выражению «так точно», поэтому на вопрос француза «Умер ли такой-то?» ответ «absolument», т. е. «непременно», «совершенно», «совсем», «безусловно», звучал странно. Слова «donc» (стало быть, следовательно, итак) и «déjà» (уже) соответствовали в такой фразе, как «Вы уже видели Петербург или мадам Босио?», часто употребляемым русскими выражением «Ну как, вы уже видели...» или «Так вы уже видели...», когда рядом с несовершенным видом глагола «видели» ставятся слова, подчеркивающие совершенность действия. Между тем во французском языке достаточно и должно употребить только глагол в совершенном виде прошедшего времени: «Avez-vous vu...»

** Следя за литературными новинками в Европе, в том числе и за выходом произведений Т. Готье, журнал «Атеней» пишет в 1859 году: «Готье Теофиль. «Роман мумии». Один английский лорд находит мумию и в папирусе, лежащем в ее саркофаге, читает всю историю... Роман показывает блесткое знакомство автора с книгой Шамполлиона и вместе с тем и то обстоятельство, что французские повествователи повсюду ищут эффектных сюжетов: Мармье — из Шницбергена, Готье — в Египте». «Театральный и музыкальный вестник» сообщает в № 1 за 1859 год, что вышли «в Париже и уже получены здесь, у книготорговца Клюзеля, пятый и шестой том сочинений Жюля Жана в о театре и сочинение Теофили Готье о том же». Журнал «Время» в марте 1862 года дает «Очерки последнего литературного движения во Франции»: «Поззия по Франции перестала занимать общество. Она не стоит больше во главе литературы, как это было... во времена царствования Виктора Гюго и Ламартиня. Каждый из них тащил за собой длинную свиту подражателей. Наконец, в одно прекрасное утро, к двум великим лирическим голосам приоединился насмешливый голос молодого человека... Альфреда Миоссе... И всему молодому поколению захотелось пить из этого стакана, и оно пьет

Зеленский А. А. (1812—?). Портрет молодой женщины у фортепиано. 1858. Холст, масло. ГРМ

Что касается туалетов, то русские женщины очень элегантны и еще большие модницы, чем сама мода. Кринолины так же широки в Санкт-Петербурге, как и в Париже, и на них великолепные ткани. Бриллианты сияют на прекрасных плечах очень

из него еще до сих пор... Два или три поэта составили, однако же, исключение... Теофиль Готье хотел уподобить поэзию пластическим искусствам. Его стихи похожи на чекан самой тонкой работы Бенвенуто Челлини. Под оригинальным и довольно удачным названием «Эмали и камни» он издал ряд небольших стихотворений, очень похожих на собрание редкостей».

декольтированных дам, а на запястье бывает надето несколько золотых браслетов с плоскими цепочками, сделанных в Черкесии, на Кавказе, и в туалете дамы единственных свидетелей того, что вы находитесь в России.

После обеда гости расходятся по гостиням. На столах лежат альбомы, книги с прекрасными иллюстрациями, альбомы для стихов, альбомы с пейзажами. Все это служит поддержкой смущенным или вообще стеснительным по натуре людям. Крутящиеся стереоскопы предлагают свое развлечение — посмотреть на движущиеся картины. Иногда, уступая уговорам, какая-нибудь женщина поднимается, садится за пианино и поет, аккомпанируя себе, какую-нибудь национальную русскую мелодию или цыганскую песню, в которой северная меланхоличность сочетается с южной пылкостью. Она походит на своеобразно звучащую качучу, которую обычно танцуют при луне, но здесь ее нужно было бы танцевать на снегу.